

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Mi-nik vániút ta-rkasa šediki-ŭ ulni-št rozbo-jnekn statt.
Mon maŭi-ŭ syři lo-maŭiŭ peldā ŭā-žkiŭ ta-rkada, šty šesa-āřl-š
Šteŭka Ra-zin. Še ta-rkaš nejga-k jek parētā soda-vā: ozōr-
nō-jška pa-nda karda-zyŭ po-nasa, ŭāni-za i nejga-k: Kāvi-ŭ
ka-rdaz; knēkaŭi-cynza gu-byr, gu-byryŭt řa-sa tumaviriŭā,
a šet ku-nēkasa, gu-byryŭt řa-sa ko-lmy ki-řŭt, ki-řŭniŭ ala
řāma-řa. Afa-ŭā kōřtō-ř, šty še ta-rkasyŭt sama-j āřl-št roz-
bo-jneknā, a ŭša řelksēza pa-ndyŭt ŭāžkiŭ ře-řej prok o-řta. A
krugo-myza a-alyŭ ka-rdaz. Sa-maj pa-ndyŭt řa-va ašcy ŭi-řŭā
prok la-ta, a alksy-za prok kā-ŭiŭ šte-na. Še šte-naŭi ŭefet

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи пратоны.
Я слышать отъ старыхъ людей пасчетъ одного мѣста, что тамъ
жылъ Стенька Разинъ. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо
узнать: огромная гора, похожая на дворъ, имя ея и теперь: Ка-
менный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣ-
сокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы,
подъ березами родникъ. Старики говорятъ, что на этомъ самомъ
мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной
стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ.
По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

te tarka-ńt i tuji-ms dašy. Dumašć i ayrga-šć, a še fa-ž űińiń kady-ž
 zemlaŭka-ńti, pekšćž i tošć. A faž űi-ńiń pokšćst pek veške-űća.
 Žať dūnga ma-fāvā. Kyda- molćť vāpe-lej, son meřk: 8x, bratey,
 veť mon sońćća-űi-ća perćatkam stufty-ńā; tyń azida sa-sta, a mon
 8yjan, unť, sajsā- i sasa-tadyža. Molć zemlaŭkańti, űi-ťti-ža faž-
 űi-ńiń i meřć tānga; omiń űej tata-na te-sta, a tou űesa-k ona
 še tuža pa-ndyńť; še paudyńť ala u-lā roz vā-űińā, molć še vāűińti
 i āfa-k, a biđi űiā-t mĩđi-ńiń i karńi-ť āfa-vama fať jarma-kt,
 sak tej; pańžyk zemla-ŭkańť i kučyk mĩđi-ť jarma-k űā-űga;
 ža-ra tāžk ā-fāvĩť, śnara i saji-da, a tońć űā- sua, a biđi tońć su-
 va-t zemla-ŭkańti, to ton tesk kadu-vat. I toś jalga-ńza sasa-ma.
 A te taś Loŭa- pe-lej; še vāűińiń űā-űiža aűi-ś Lo-ŭa. Molć
 to-žē i ara-ś vā-žki loma-ńiń i āfa-ś keč-ńza robō-ńćkeks.
 A vāžki u-ńiś še vā-űiűińť kodamy biđi Paznyń o-žneća ćo-ra.
 Rosny meřneśť tānga- Byhamo-l.

A űińiń vā-űiś karńa-ś toža oza-ma: pe-rĩvěj saś O-řka a-řa

когда здесь не было этого села, въ этомъ окрестѣ были разбой-
 ники; у нихъ были земляники. Въ тѣхъ земляникахъ они жили, и была
 съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они
 рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались,
 а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣ-
 вушку очень любилъ ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они
 ушли далеко, онъ говоритъ: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ
 свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, звать, обѣ-
 щую, возьму ее и догоню васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вы-
 звалъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты ви-
 дѣшь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская дере-
 вушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и
 вужавы будутъ тебѣ деньги, преходи сюда; откупя землянку и
 возли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится,
 столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь
 въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять

kolmy čora-nga marta i ulai-šć tǎŋŋ-riŋza. Majla sas Kŋim. Š. Kŋimyš, joŋhet, pek zdoro-ŋ ulai-š. Āfa-š son tatar vā-lisn i mā ziŋ kisa biđi so-nga čavkyšyŋš. Son sajs du-bina i vāt vo-rgeč sašto-ža tej. Son O-ŋka a-tāŋ tǎŋŋŋriŋza sa-jizā koža-jkaks i karma-š āfa-ma. Mā-jlā sas Uču-š āfa.

Vot vāli-š karma-š ala-myŋ a-lamyŋ puru-myma, a še tǎ-ŋŋ-riš, kona- Loŋa-s tuš, āfaš āfaš robótŋelēks, koža-jkaks kija ā-synza a-saja. Son sa-jizā Bahamol čo-raŋt i kortēzā āfa-nga, ŋvaksčć i tušć āfa-ma Oŋka vā-lj. Vot išta a-lamyŋ a-lamyŋ pru-mšće-la vā-lā.

Mon ikili kortēŋ: Koželēŋ-strap-latksta kyda- tušć rozbo-jŋe-ŋnā i kyda tǎŋŋŋ-ŋiŋt no-ldež, koda Loŋas pačkyč, koda- āfaš, koda vēŋčā-š i koda- tej-ŋakij āfa-ma sas Kučaguryŋŋi. Karmašć āfa-ma. Syŋ ŋūzđjŋ-k āst pišć. Koda-k tūst āfāvit jarma-kt, kiŋdi- ala-ša, mo-lef žemlāŋka-ŋŋi, peščet žary tūst āfā-vā; ŋet li-šit e-ščo mo-le-f. Išta- i āfašć. Čačć čo-rast Mi-šla, ubii-š pek pi-

товарицей. А эта пошла въ Лоху: вил той деревушка было Лохъ. Пришла она туда и опредѣлилась къ одному человѣку и жила у него работницей. А въ той деревнѣ жилъ какой-то (постоянно) молившійся Богу мужичка. Русскіе называли его Богомолкомъ.

А наше село также стало населяться: первымъ пришелъ старикъ Орыка съ тремя своими сыновьями, и были у него (также) дочери. Потомъ пришелъ Клямъ. Тотъ Клямъ, сказываютъ, былъ очень сильный. Онъ жилъ въ татарской деревнѣ, и его за что-то захотѣли убить. Онъ взялъ дубину, убивалъ ночью и также пришелъ сюда. Онъ взялъ въ жены дочь старика Орыки и сталъ жить. Потомъ пришелъ старикъ Учусъ.

Вотъ село и стало понемножку собираться, а та дѣвушка, которая ушла въ Лохъ, жила въ работникахъ; въ жены лику ей не бралъ. Она взяла и приговорила себѣ Богомола; она поспешила и ушла жить въ Орыкину деревню. Вотъ такъ понемногу и собралось цѣлое село.

ja-nica, syn soñdānza kazna-ñt āziž neñā. Miška-ñ čora-ŋza ulñi-št ko-lma: Petruža, Ignaska da Še-mka. Petru-žan čora-za ulñi-št a-ñčik vāžki: Iva-n, Iva-nyñ čora-ŋza vā-ñi: vāši salda-ñt. Pokše-ñt lām Miška, ombó-čēñ še-mka, kolmó-čēñ Zaxa-rka, ŗilčēñ Davy-dka, vāši-čēñ Ġfiška. Ġfiška-š, Davytkas i Zaxarkas nejnak služba-syt, a neñ ku-eyt. Vot syn zyñč jo-ñčēñ i tarkañt neñčēñ, a syñdast baba-st neñčē-žā ko-sy kazna-š ašča. Mou joñie-ñ čāt KLi-mda, koda son saš, koda uivaksē, sajš koža-jka Ořka-ñ dā-žtīr. KLi-my-ñ čora-ŋza ulñi-št ŗilā; pokše-ñt lāmī-za La-ša, ombó-čēñ Troša, kolmó-čēñ Ba-lgoš, ŗilčēñ Va-sil, Laša-ñ čora-ŋza ulñi-št ka-fta: Feđa-j i Mi-ka. Miša-ñ čora-ŋza ŗilā: Aki-ñ, Oza-, E-ŋsej, Pa-vol. Feďan čora-ŋza vāča: Ilja-, Zota-, Vaša-, Ilka-, Dro-ñā. Neñ žāši žiřt Ilja-dn baška. Troša-ñ ulñi-št čora-za I-van, Iva-nyñ čora-ŋza ŗi-lā; pokšeñt lāmīza Onta-, ombó-čēñt Makši-ñ, kolmó-čēñt Kifor, ŗilčēñt Iva-n, Onta-ñ čora-ŋza kafta: Iogy-ř i Lo-va. Iogy-ryñ čora-ŋza ka-fta: Miki-l,

Я раньше говорил, какъ разбойники ушли изъ сврага Колпного срубаѣ и какъ они оставили дѣвушку, какъ она дошла до Леха, какъ жила, какъ повиначалась и какъ пришла сюда опять жить въ Кучугуры. Стали они жить. Они ни въ чемъ не пуждались. Какъ становились ямъ пужны дѣшны, заиргутъ зомадъ, побѣдутъ въ землянкѣ, насыплютъ сколько ямъ пужно; эти дѣшны выйдутъ, побѣдутъ еще. Такъ они и жили. Родился у нихъ сынъ Михайлъ, онъ былъ большимъ шаянцей, они ему не показывали кладъ. У Михайла было три сына: Петръ, Игнатій и Семень. У Петра было только одинъ сынъ Иванъ, у Ивана пять сыновей: всѣ они стали солдатами. Старшему имя Михайлъ, второму Семень, третьему Захаръ, четвертому Давыдъ, пятому Григорій. Григорій, Давыдъ и Захаръ и теперь на службѣ, а эти дома. Вотъ они сами рассказали и показали мѣсто, а ямъ показала ихъ бабушка, гдѣ находился кладъ. Я рассказывать тебѣ про Клима, какъ онъ пришелъ, какъ поженялся, взять въ жены Орышну

Šta-pan. Miki-lyń čora-za ara-š. Štapa-nyń ŗa-žkă. Ivan a-ta-
ňiŗi čora-nga: Iyka, Da-ňil, A-ndřej, Io-gyť, i sońc žiŗ, godě-nga
kaŗksyňgăňiŗi ŗa-tiška ¹⁾.

Mińik ŗa-tisa ŗi-t lomatt čašo. šedi řek syri-t, i he lo-matňiŗi

дочь. У Клима было четыре сына: старшему имя Ларионт, вто-
рому Трофимъ, третьему Балгоръ, четвертому Василій. У Лариона
было два сына: Оеодоръ и Михаилъ. У Михаила четыре сына:
Акимъ, Аванасій, Елсѣй, Павелъ. У Оеодора пять сыновей: Ильа,
Зотъ, Василій, Нзаріонъ, Андронъ. Эти всѣ, кромѣ Ильи, живы.
У Трофима былъ сынъ Иванъ, у Ивана четыре сына: старшему
имя Антоѣ, второму Михаилъ, третьему Никиторъ, четвертому
Иванъ. У Антола два сына: Егоръ и Леоктій. У Егора два сына:
Николай и Степанъ. У Николая шѣтъ сына. У Степана одинъ
сынъ. У старика Ивана четыре сына: Ивкa, Данила, Андрей, Егоръ,
и самъ онъ живъ, лѣтъ ему около восьмидесяти пяти. ¹⁾.

Въ нашемъ селѣ есть люди еще болѣе старыя, и рассказывать

1) Къ этимъ родословнымъ спосѣдствіи мнѣ была сообщена поправка
«Купишь пришелъ изъ Яблони Вольскаго или Хвильскаго уѣзда. Онъ былъ
русскій. Звали его Сергѣемъ. У него былъ сынъ Петра. Петра прозвали Бого-
молонъ, потому что онъ все славилъ Бога, когда его былъ отецъ; отъ него
пошел Богомолонъ. У Петра былъ сынъ Василій. У Василія—Василій, Иванъ,
Тимеѣй. Василій привалъ къ себѣ отъ дщи зятя, а мужского потомства не
былъ. Тимеѣй пошелъ на службу и померъ. У Ивана сыновья: Семѣй, Ми-
хилъ, Андрей, Захаръ, Давидъ, Григорій (Андрей померъ, остальные живы).
Еще пришелъ Вертанъ; его окрестили и назвали Василіемъ, а отца его звали Ое-
доромъ. У Василія были сыновья: Дрига (Григорій), Окта, Гаври, Мирѣй. Ми-
рѣй былъ слѣпой. Дрига померъ бездѣтнымъ. У Антола сыновья: Обранъ, Сема,
Елсѣй, Сема. У Обрана—Алексѣй, Прока, Васык. Прона и Васык померли. У
Алексѣя сыновья: Василій, Трохимъ, Стиславъ (Стиславъ померъ бездѣтнымъ,
Трохимъ живъ). Василій померъ; въ сыновья: Максимъ, Иванъ, Сема (живы).
У Гаврилы сына Василіева сынъ Иванъ, а у Ивана Елсѣеъ, Фѣдѣтъ, Анисъ,
Мирѣй; ихъ сыновья живы сейчасъ жеѣ.—Антоѣ и потомки ихъ получили
имянію «Вертякины», а Гаврилу прозвали «Ковилъ» (дорога лаводъ); теперь
зовали ихъ «Кочакины».

mon tāt jofieniest aka-rman. Vāsī loma-tiā vāḡi-vāḡi a jo-tāe-
vef. Iofu-n tāt vāḡkā. Miñik vā-ḡnyk pokš: ašy-nza kolēḡā-miñ
śada lo-man éo-rat da ava-t žary-ja. Mon robótakšnan pařt i
moñšān kaññi-kšnyf šediķilīñ čuřt. Vā škañā kanēf řāñ do-ška,
kāli-za kolmy va-kšyška, krugo-myza pa-myřif. Karñi-ñ lakši-mā
i řanu-ma, slojga-nza ašyza ara-s. Mon de čufetyñf řaji-ñ přefč,
ko-řta iřfama čufy-š řaji-ḡš. Šaš ře ařa-s pařñf māḡa; mon o-zēñ,
targa-řyñā i karñi-ñ kāḡkšñi-miñza, a řyřa ařa-tiā řek řekšēz
jofie-mañf řeñeñ, ki pařēf řy-řt kulcy-nā. Mon i kāḡkšñi-nā so-n-
za: «De-dajl kořta ton de dořka-ñf řaji-k?» — «Tē dořka-ñf? Tē doř-
ka-š ařyř va-řyřdyñ». — «A ko-řeñ?» — «Dy vot kořēñ; vant, mon
tāt řeřca.» Štāš i řiřc lata-ḡa i řeřc řu-řca pa-nda ča-mas i
mēřc: «Vot ře-řta». Mon miera-n dānga: «Dy řon kořta praš řežēñ?
Še-řa řiř řak ara-s; řeřa řoř řařt». Šon i mēřā: «Tēy ōññi-š řiř.
Mon řeřca-n dānga: «A řed mon apo-māřa». — «Xm! kořta toñ-
dāř, čora-m, pomiā-ms; mon řāķy-ḡḡāññi řāķi ḡořa i to

тебѣ объ этихъ людяхъ я не буду. Обо всѣхъ людяхъ по одиночкѣ
не разскажешь. Разскажу тебѣ объ одномъ. Наше село большое;
въ немъ тридцать сотенъ человекъ мужеска полу да женщинъ
много. Я дѣлаю кадушки и мнѣ привозятъ старинный лѣсъ. Од-
нажды мнѣ привесли доску, шириной около трехъ четвертей, со
всѣхъ сторонъ обикромешную. Я сталъ тесать ее и осматривать,
по своимъ ей бѣлая вѣтъ. Я заинтересовался этимъ деревомъ; от-
куда взялось такое дерево. Принесть этотъ старякъ за кадушкой, я
сѣлъ, угостилъ его напирсой и сталъ его разспрашивать, а ста-
рые люди очень любятъ разсказывать тѣмъ, кто хорошо ихъ
слушаетъ. Я и спросилъ его: «Дѣдушка! откуда ты взялъ эту
доску?» — «Эту доску? Доска эта не издалека». — «А откуда?» —
«Да вотъ откуда; смотри и покажу тебѣ. Онъ всталъ и выпелъ
изъ подъ сарая и показалъ пальцемъ на уклонъ горы и сказалъ:
«Вотъ отсюда». Я говорю ему: «Да какъ она туда попала? Тамъ итъ
даже лѣса; здѣсь одинъ садъ». Онъ и говорить: «Здѣсь былъ лѣсъ».

apo-máasa, a moú dedužym joñie-š moúda-ú; son váši sodasy-ú-šá, kodatt tija vířt ulúi-št, kua-rozbo-jněk(ulúi-št, kony kalmy-st ulúi-št, kyda- apak kámdá ulúiš. Mon kášksti-úá: «Kosa?» Son úeřé tui surca: «Vona še-sa; šeks i úieřet š» pandyčamaúú; ka-l-mazyr. Še pandyčamašyút, vona še ta-rkasyút nejga-k koda-k čudiki-řkska vá-dúš molí-, lija-sta kandylast štařtá. Moú dedužym fáta-za fejářama saš. Kyda- rozbojnekúá ře-sta stračt, řezé-ú sařt ářt-čat. Ofka a-fúš sař véřeře-řdá, koñevózy jak modai kualma ulúi-š; a osta-tka loma-řúá sařt kona kosta poržš; ut, Bahamol sař Loya-sta, Ramado-řkon sař, kortet, Čibřřeta, a Čupřt-n zas—še vřřřpara Čibřřeta uř vore-č. řřřř- vář-š i prumš. Kona sultatěy-dá vore-č, a konat rozbojřt řářřá kaduřš; a kyk čěřkoañt řářřřni karmasř, koda-řřřř naroděš až satuá čěřkova-řřř, pokř řřř-řga jak kuřřř-řř ř-řřřt da karmatřřř řřř- řřř-řa-ma. Řeň uř kuřřř-ř ř-řř-ř.

Я ему говорю: «А вѣдь я не помню». — «Гм! Откуда тебѣ, сынъ мой, помнить; мнѣ девяносто пять лѣтъ, и то я не помню, а мнѣ рассказывалъ мой дѣдушка; онъ все зналъ, какіе по этимъ мѣстамъ были лѣса, по какимъ мѣстамъ были разбойники, гдѣ было ихъ кладбище, когда они были нескрещены». — И спросилъ: «Гдѣ?» Онъ показалъ мнѣ пальцемъ: «Вотъ тамъ; оттого и называютъ этотъ склонъ горы кладбищемъ. На томъ склонѣ горы, вотъ въ томъ мѣстѣ и теперь, когда вода влѣтъ ручьями, она другой разъ вымываетъ гробы. Отецъ моего дѣдушки пришелъ сюда на жительство. Когда разбойники разошлись отсюда, сюда пришли жители. Старекъ Орыма пришелъ съ верхней стороны, у него была и бумага на землю, а остальные люди пришли кто откуда попался; вотъ Богомодъ пришелъ изъ Лоха, Рамадѣнокъ пришелъ, говорить, изъ Сибари, а Цалаянъ пришелъ — тотъ ужъ прямо убѣжалъ изъ Сибиря. Такъ и собралось село. Кто убѣжалъ отъ солдатчины, а кто остался послѣ разбойниковъ; а какъ стали строить церкви, если народу не хватало для церкви, ловили Эряकों даже на большой дорогѣ и заставляли жить здѣсь. Этихъ ловили ужъ не мужики, а въ то время

možyt, a še po-ra-va ulii-š starystanyk Mažn-rkiňkan ro-deň; še
pervojo stary-stanyk ulii-š.

«Kydá váli-š eščo arašil, tesy ářášť rozbo-júekť, a Petroskčes
ulii-š. Rozbo-júekňá tesa grabáš, a gor-ťca uliiš istatt loma-
nist: uskš-i-šť fäst vřna-, porožť, ružy-jat, syvi-lť, i biđi saldatt syť
vřšni-mňá rozbo-júekň, nief syť jofta-ma. A ton kit duma-t uliiš
jalg-a-šť? Po-poš dy go-lo-vaš. Vot popoš i golo-vaš pek šupa-lgačť
pěľűest i duma-šť kodaja-k kadu-myst. Popoš saš i me-řa: «Vot
mášť, bra-ťcy, nři-da festa-, ato syřsald-a-ťť, kučičťadyž, mi-ňďűűik
kak golo-vaňť marťa aňe-ňems; a biđä aku-lcynysaniž, pieň-čada
šš la-nyzyňk, a mon ššty-ňk otk-a-zan». — «Koda otkaza-ť?» —
«ššta-k i otk-a-zan». — «A miň jofta-tadyž». — «A tyřk akň-mťa-
dyž». — «Kämsa-miž». — «A mon melan da šščas jofta-tadyž, vot
tyřk i kučičťadyž». Šynst ke-žest sašť, sa-již i poťe-ž po-póňť. Vot
ššeks i mēre-ť: Pópóň čē-lia la-tka. So-nzy čēľňazy ja-k ššek ulii-š.
A golo-vaš mášť řajs? Uskš bočke-ňá pu-řa, uskš ři-va, a řutly-

у васъ былъ староста изъ Мазиркинова роду; тотъ былъ нашимъ
первымъ старостой.

«Когда села еще не было, здѣсь жили разбойники, а Петровскъ
(уже) существовать. Разбойники грабили здѣсь, а въ городѣ у
нихъ были такіе люди: привозили имъ вѣна, пороку, ружья, мяса,
и если приходили солдаты искать разбойниковъ, то эти (люди) при-
ходили сказать. А кто, ты думаешь были ихъ товарищами? Понѣ и
голова. Вотъ тотъ понѣ и тотъ голова сильно разбогатыли отъ нихъ и
пріѣхали какъ нибудь ихъ оставить. Понѣ прѣшелъ и говоритъ: «Вотъ
что, братцы, идите отсюда, а то придутъ солдаты, истребить васъ
и вамъ съ головой не вырваться; а если вы меня не послушаете,
депните на себя, а я отъ васъ отрежусь?» — «Какъ ты отречешься?» —
«Такъ и отрежусь». — «А мы скажемъ про тебя». — «А вамъ не повѣ-
рять». — «Нямъ повѣрить». — «А я войду да сейчасъ скажу про васъ;
вотъ васъ и передовить». Они разсердились и повѣсили пона. Вотъ
потому и плазываютъ: «оирамъ попова пчельникъ». У него былъ

zyst špirt kaja-š, sas fast i karma-š mary-st gulā-jama. Išta šī-mūnīgā, vāši prakšnyš klyi-rīctyt. Son saji-ŋā, frast i kār-cūnīgā. A-ŋēik vanfyt-čast, ko-na ulñi-š vāpe-lā, še-ki kadu-ys. Še pandyñfi, kosa kār-cūnīgā, Božadom mēre-t. A vot kyda- vāfi-š karma-š āfa-ma, oza-šf ona še lōj ōy-fiūci; šeks i mēre-t: āfa-ma-lej, a son šesty ja-k koške-I.

«Mažarkān čelūa la-tksa ulñi-š pokš li-šma; syn vāfi-š zo-uzā, a Čakš la-tksa išta-myška, kefi, ulñi-š li-šma; rozbo-jāekūā-sra-zu o-bōz pona tozē-ŋ jači-šf i jekstēž, kizda-sy mā-ziūn. A kyda- iūnū ka-rūnūlk āfa-ma, tesy vād ara-šif, nn oze-rat jek lama ulñi-šf; a šija- ulñi-šf ištati vāff, avyl utka-t dy mačif, febeff ka-k ārci-šf. A Po-kaļ e-škeit sodasak? — «Soda-sa». — Māzi ājstynza soda-t? — «Mon pomūan šī-lōj ko-fett to-stas. — Aa! šifli-šj gofe-tt, a mon pomūa-n, šija- ulñi-š išta-myška pojpu-la, a

тамъ и пчельникъ. А что сдѣлалъ голова? Привезъ боченокъ меду, привезъ пива, а въ яхъ влилъ спиртъ; прилежъ къ нимъ и сталъ съ ними гулять. Такъ наполни яхъ, что всѣ попадали мертвецки пьяными. Опъ влялъ ихъ и срубилъ имъ головы. Только караульный, который былъ въ отдаленіи, тотъ остался. Ту гору, гдѣ онъ ихъ зарубилъ, называютъ Божедомомъ. А вотъ какъ стало заселяться село, онъ сѣдился вотъ по тому берегу рѣки; оттого и называютъ ее «Китильская рѣка», а она и тогда была сухая.

«Въ «оврагѣ Маалрикина пчельника» былъ большой родникъ; онъ его завалили, а въ «Горшковомъ оврагѣ» былъ, говорить, такой же родникъ; разбойники втискали туда сразу обозъ шерсти и затрудилъ его певзвѣстно для чего. А когда мы стали жить, здѣсь не было воды, но было очень много озеръ. А по тому мѣсту были такіа воды, что водились не только утки и гуся, но даже лебеди. А знаешь Озновое озеро? — «Знаю». — Что ты о немъ знаешь? — «Я помню тамъ кочки. — Аа! кочки, а я помню, по тому мѣсту былъ такой осипникъ, а какъ пойдешь черезъ осипникъ къ озеру, туда нельзя ступить, провадешь. Вся земля трясется. Тамъ то-

pojnynt pačk koda-k ju-tat e-rkeñt pe-lej, tozë-ñ čalga-ms ñelža-, joma-t. Vasi mo-daš fe-rña. Šezëñ skalt vajši-št; koda-k tozë-ñ čalgä i tu-ja mo-dañti, baraxfa-ma karmä, šedija-k tuja- i šnare baraxla, žare soyse-m aju-mä. Vot koda-tt ulñi-št ože-rat tija-!

A valinyk karma-š oza-ma Ära-ma Iejeñt to-na bq-kas. A tija- ulñi-š bo-löta. Še-sa o-na ulñi-š Oikañ kardä-zyza, čela de-šena, väšij dy-ney piša-f, i mošta-f vä-si u-lñi-š čn-fca. A kyda- karma-št ära-ma naro-dëš bo-lky, šesta- tija-jak bolöta-ññä karma-št koš-ke-ññä, ti-ja jak karma-št oza-ma. A jagy-datñä ulñi-št šedičila žyt ledez-leff, a vir ja-gydatññä kijak äš ko-čkšä jak; ulñi-št i iñži-žt i čejk i ašama-ft i vädi-ñžižt, a sara-zyñ žalññi-ññä lajks kijak äž va-my jak. A pažkñä, Vo-spodil! moñ pomiaunga jak žyt ko-jñiesä kyrga-k. A tiri-š kodam' ulñi-š! Ko-sy ñej va-na od ka-hmytñä, šea-ñä ištä-tt kili-žt ulñi-št ožva-ta po-tti. A kosy ñej va-na kälila-tyks, ševa ištä-my ulñi-š tušvy-i, stra-š ža-ryška äčki-za, a Grišalatks äšt ja-kši jak. Grišališmañt avy-I pek myk mu-jiz gak. Ona Gor-

пуля поровнь; какъ ступишь туда и пойдешь подъ землю; начнеть выкарабкиваться, пойдешь дальше и до тѣхъ норъ будетъ выкарабкиваться, пока совсѣмъ не пропадетъ. Вотъ какія были озера по этому мѣсту.

«А село наше стало населяться по ту сторону «Жительской» рѣки. А по этому боку было болото. Тамъ воиъ былъ дворъ Орыка, пѣлая десятина, весь онъ былъ огороженъ тыномъ и весь вымощенъ деревомъ. А какъ стало селиться больше народа, тогда и тутъ болота начали высыхать и стали селиться и по этому боку. А ягодъ было въ старину хоть носой коси, а лѣсныхъ ягодъ никто даже и не собиралъ; была и малина и калина и вишня и водяная малина, а на костянику никто и не смотрѣлъ. А грибы, Господи! и на моей памяти хоть лопатой гребл. А какой былъ лѣсъ! Гдѣ потъ теперь новое кладбище, тамъ были такія березы, въ три обхвата. А гдѣ теперь вотъ Широкий оврагъ, тамъ былъ дубовый лѣсъ, страсть какой толстый, а въ «Гривинный оврагъ» даже не ходили

bačyŋ kárafys, te-sk i ģsmapiŋŋŋt kak sodasa-k. Polo-žym, ūej son ko-škš. A a-žika ģgiŋka-ŋiŋ, synst ūŋ anduma očkst tu-mys to-sta u-skuf, dedu-žyst u-škizā, žary-ška; dy vot i ŋiŋi-k tea kš-pkšat doskaŋt ājsa. Son vot ko-sty saji-f, (Dedu-žym joŋie-zā). Vāli-š palē bez ma-lava datla-, a ģurta-jiŋkaŋ ka-dupš; synct ūŋi-š utu-myst. Vot ŋiŋ vā-žkiŋ i raŋi-ŋiŋ / Son čapu-fi vany te paady ča-mastyŋt. Šesty āšt pi-tēā vi-riŋt ājsa, a doska-ks la-znyž lazny-š, i vot ŋe do-skatāŋ kadu-ys še u-tumstyŋt. Tose- ūŋi-š kiŋakyska i suŋši-kika. Utumys na-ksač, a kiŋa-ksys kadu-ys. Než vana vādŋāŋiŋ god, koda ŋiŋ dā-jiŋiŋ kiŋa- u-tum i še kiŋa-ksyŋt kšpi-diŋiŋk te utumy-ŋiŋ. Doska-ŋiŋ piŋi-ŋiŋ troks kaftuŋ kaftuŋ, i to vačkamstyst kotēŋek ku-ŋiŋiŋk.

«A vot mon stuŋy-ŋā āt joŋa-mš. Kyda- ūŋi-š utu-mys čē-la- ģija- Puga-ēt juta-š. Syŋ bojar dy pop poušē-š jala. Kro-potovāŋ boja-ryŋt poa-ksyŋž, a son kudynza kadyžā, da tej. Alašŋt no-l-

Гришкинъ родникъ не очень давно я нашли. Вотъ Горбачева по-рубка, тутъ же узнаешь и голоду родника. Положимъ, онъ теперь высохъ. А пойдѣ-ка къ Игнатьевымъ, у нихъ есть дубовая колода, вывезенная оттуда, ихъ дѣдушка вынесъ давно; да вотъ ты спрашиваешь о нашей доскѣ. Она вотъ откуда взята. (Мнѣ это разсказалъ дѣдушка). Село сгорѣло безъ назаго до дна, а Юргасовы остались: у нихъ были амбары. Вотъ мы и купили одѣять амбаръ. Онъ срубленъ вотъ съ того склона горы. Тогда не шили лѣсъ, а, раскалывая его, колози на доски, и вотъ эти доски остались отъ того амбара. Тамъ онѣ и служили половицами и сусѣкнами. Амбаръ сгинулъ, а полъ остался. Теперь вотъ пѣтьдесять лѣтъ, какъ мы выстроили другой амбаръ, и тотъ полъ мы перенесли въ этотъ амбаръ. Доски мы распилили поперекъ на двое; и то мы брались вѣнстеромъ, чтобы ихъ накладывать.

«А вотъ я забылъ разсказать тебѣ. Когда амбаръ былъ цѣлъ, по этой мѣстности проходили Путачевцы. Они все иѣпали господъ и поповъ. Они хотѣли повѣсить барина Кропотова, но онъ оставилъ

dəzə, sońc mĩndānik mēřā: «Kēkšēmez; mońc kak pary tǝzǝk tǝjān». Dēdužym i kē-kšēzǝ utumy-ńti, dy to-n duma-k, koda āzi-ž muk, vot ko-sy pǝ-jdĩmaš. Dēdam suvařtǝzǝ u-tumis, a suřsi-kni ulĩi-šć pe-škēř su-ryda. Son su-řsiks šnyřpo-c va-ližǝ lařks, a kurgy-zyřza maksē au-dij, ila-zy lepe-ja. Puga-čĩi i kǝgkšĩi-šć i řǝš-ĩi-šć, āž mojiř dǝřt. Utu-myřĩtiř gak, keři, suřsi-šć, Vany-t, pe-škšǝ su-ryda, mǝžĩja-k ara-š, i tařt. A sonza mǝjla no-lēž. Ešēo Xrauca-st suřsi-šć řǝni-k, kudga-āřǝ-šć, mǝjfi koř bi-dǝ řǝji-ž.

«Čerko-vanyk vařna- ulĩi-š ona řo-sa, kosy nej časo-řnēřēř a-šēř, a ko-sy nej Maža-řkĩřkat, řesa ulĩi-š iřta-myska bo-lōta, a jo-řǝvi řak. Sežē-ń jala řiř vařǝ-šć.

«Vot moř dǝř jofnē-sa, koda- karma-š řǝli-š pokšēřga-duma i řaduma, tumba-kla vařna- oza-šć kalguřys, iřǝžǝ řǝ po-řatkas, i karmař se po-řa-tkańti mēře-mǝ Kalgu-řa. Saraj a-řa oza-š to-

своей домъ, да сюда. Лошадь онъ пустилъ, а самъ къ намъ; говорить: «Спрячьте меня, и я вамъ сдѣлаю добро». Дѣдушка мой и спрячалъ его въ амбаръ; да ты подумай, вотъ гдѣ было сѣкху когда-то не валили. Дѣдушка ввелъ его въ амбаръ, а сусѣки были полны хлѣба. Онъ завалилъ его въ сусѣкѣ въ хлѣбъ, а въ ротъ далъ ему камышевую дудку, чтобы онъ не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, не нашли. Говорить, онъ заходилъ и въ амбаръ. Видя, что хлѣба, вѣчего въ немъ нѣтъ, и ушли. А его потомъ выпустили. Еще заходили къ намъ французы, жили по избамъ, потому куда-то вѣхъ ездили.

«Церковь у насъ сначала была вотъ тамъ, гдѣ теперь часовенка, а тамъ, гдѣ теперь Мазиркины, было такое болото, что я не разскажешь. Въ это болото постоянно валили лѣсъ.

«Вотъ я скажу тебѣ, что, когда село стало увеличиваться и разсѣяться, сначала селились на той сторонѣ, у живыхъ кустовъ, также въ одномъ порядкѣ и стали вазывать этотъ порядокъ Каль-

võ-log i karma-št meře-mā Sara-jiū po-fatka. Majli oza-š Ku-dak-ata i karma-št meře-mā Kuda-šyū ku-fy-ka. Majli karma-št oza-ma Āta-my le-jent te bo-kas, a tesy- ulūi-š, mon dūt meřč, bo-lōta, a bolōta-ūt vefi pās karmašt meřčmā Vēřepā-; a kyda-bolō-tas karma-š koske-mā, karmašt tija ja-k oza-ma u-lēsa i pučt fānga lām Pro-(v)al u-lēa. Majli čupšt li-šma po-kš; vādī-š ājsy-za para, nu sočē vērū; karmašt šezē-ū gak oza-ma i pučt lām še u-lēātī Vēřili-šma u-lēa.

«A vot mon mā-št tāt jošta-n: ton zoda-sak māsks Le-kari-ka-ñiū me-řet i-šča, a fāñi-lijast Popo-ft, a Subo-tki-kañ āl Zolō-řkañ Podma-fo-ft? — «Ara-še — Vot kulcy-nyk, mon dūtjol-ñe-sēū. Šediki-lā popūā- syñč ka-k sokše-št. Vot popō-ūt ulūi-č čora-za. Kizda-sy, māsks popō-ks āzi-ž putt. A so-n, kyda- fāfaza ku-lyš, son karma-š leča-ma, i karma-št fāngy meřčmā: «le-kañ a songy- ājdīnga lekařāgkst. A fāñilijasa šorma-lisyž Popo-f.

гура (ивовый кусть). Старикъ Сарай сѣлъ на ту сторону и стали называть: Сараевъ порядокъ. Потомъ поселился старикъ Кудашъ и стали называть Кудашевымъ курмыномъ. Потомъ стали селиться на этой сторонѣ «Нительской» рѣки, а здѣсь было, какъ я тебѣ говорилъ, болото, а верхній конодь болота стали называть Верхнимъ кономъ; а когда болото стало высыхать, стали селиться и на этомъ мѣстѣ узницей и дали ей имя Провальная узница. Затѣмъ вырыли большой родникъ, вода въ немъ хорошая, но самъ онъ глу-бокъ; стали селиться и здѣсь и назвали эту улицу узницей Верхняго родника.

«А вотъ что я тебѣ разскажу: знаешь-ли почему Лѣкаревыхъ такъ прозываютъ, а фамилія ихъ Поповы, а почему Суботинныхъ или Золинскихъ, а фамилія ихъ Пономаревы?—«Нѣтъ».—Вотъ послушай, я разскажу тебѣ. Въ старшю и поны сами пахали. Вотъ у пона былъ сынъ. Невѣстно почему, его не сдѣлали попомъ. А онъ, когда отецъ его померъ, сталъ дѣлать, в его стали называть Лѣкаремъ, а дѣтей его Лѣкарятами. А по фамилія ихъ всегда писали

A Zol6-ŋkañ deda-st ulñi-š ponama-ř. Čora-za toža išta-k kadu-ŋš.
Karmaš sokše-mā, a pygavo-rkaza ulñi-š exylato-ja. Soñc pokš
ulñi-š i karma-št tanga-meřemā Zo-la, a čora-za čačē a-lkiñi da
kñ-ñj. řřaři-nga kizda-sy koda-tt; mo-žna meřemā čo-žža řřa-ŋ.
Pučť ŋa-nga pro-dešča: voz mo-na, ošhe-na pa-pa, i šajřit tanga
i-šta u-lčasa: Zo-la, voz mo-na, ošhe-na pa-pa. Koda-k řiři ulča-ŋ,
š-řñi i šařgi-dit išta, a son mā-ŋgast čyřña, da šoyñd, valgi-ja
a-čkš. Songa la-řksa koda ařñ-jdřit, taba-kyñ ģis karma-feyž mo-
ra-ma — mo-řā, karma-feyž mora-řtnma — mora-řtā, karma-feyž
kšičy-mā — ki-ščā.

A moñ po-mñamga, mon dāt jořta-sa, řajřť od u-lčā, čotña-řt
tož-ñ puty-ž, a tařty-řt řiři-ž ku-dyks. Seři mā-jlā řali-styřt
palčť řiřiřatt ku-da, řesta řā-řñt řā-ři odo-ŋ ara-řñř. Še-sta a-řa
palč, ařť žara řiři palčť, a ža-řa škoře-na palčť, žara sarasť

Половыми. А дѣдушка Золикиныхъ быть пономаремъ. Сынъ его
тоже остался безъ должности. Онъ сталъ пахать, а поговоркой его
было слово «золотой». Онъ выросъ и его стали называть Золой, а
сынъ у него родился низенькій и широкій. Ужь его, кто его
звать, какой; можно сказать, что онъ ядiотъ. Дали ему прозвище:
возъ м., осынина х., и кричать ему такъ на улицѣ: Зола, возъ м.,
осынина х. Какъ онъ выйдетъ на улицу, дѣти и кричать такъ,
а онъ бѣгаетъ за ними и бранится, голосъ у него густой. Когда
надъ нимъ не смѣются, его заставляютъ за табакъ пѣть — онъ
поетъ, заставляютъ пѣть духовныя пѣсни — поетъ, заставляютъ
плясать — пляшетъ».

А и на моей памяти, скажу я тебѣ, сдѣлали новую улицу, по-
ставили тамъ контору (сборную), а ту старую продали подъ домъ.
Послѣ этого изъ деревни выгорѣло 400 домовъ, тогда всю деревню
перепланировали за ново. Тогда сгорѣлъ старикъ, сгорѣло сколько

palčl! Šesta. ňe tošto mačti-mā ali māzingak ličti-mā, vāši na-
redés a-ńčik kapsa-š voľge-demā kińi-ń goj pa-ra. Vot še požar-
dyńt mā-jlā, tā-jšt kolmy nľcat, ulča-tńiń kā-tįsta kady-ž, oza-
fńińā karma-št lado-m: koda-k űińi ku-dyt, jala pro-volkā. Ranyž
kudy-tńiń toža po-mńasyń, avyl bek nmy-k tāvi-š ulńi-š. Tājš
vāli-zynyk u-čylńā, a vāšńā. po-p toma-fńiś. ņej mibńik čefkova-
nyk kak od, kā-viń; teńga-k pokšolga-ftyž i mora-fńińā afč-
kšńi-tana, řegentėnek kak mńińčńińik, a ře-gentėńt lāla-za psalo-m-
šekeks li-šć, a Kosė-jįkńā čora-st tili-grafi-styks li-šć. Mājlā moš
po-mńangak ulńi-š ska-lyń gu-luma, řek lama skalt ku-lčisť, i
šedi mājlā ulńi-š loma-ńiń gu-luma, da pomńa-n: vāšt loma-ń
čapšt i kaji-ž bńjaraks; Tāńi-za ulńi-š Doda-j Vāńā. Šedi mā-jlā
vāžki poašt i ličtiž pa-kšas; kozė-ń pove-ž še nľčapi-fńińti řeįga-k
ńečėt Dušy-lofka. Da votńej avy-l umyk čapšt loma-ń, Tāńi-za
ulńi-š Mi-kil, pročėša-za «Čykyda-į».

то дѣтей, а сколько скотины егорѣло, сколько куръ! Тогда не то
что тушить, или что нибудь вытѣпцѣть, по песь народѣ только
спѣшилигъ убѣжать кому куда можно. Вотъ послѣ этого пожара
сдѣлали три улицы, оставили улицы широкими, етали сидѣть въ
порядкѣ: какъ четыре дома, всякій разъ проулокъ. Черныя избы
я также помню, дѣло было не очень давно. Построили въ на-
шемъ селѣ школу, а сначала училъ полъ. Теперь у насъ и
церковь новая, каменная, я эту расширили я мы становились
пѣть, и регентъ изъ напныхъ; а старшій братъ регента вы-
шелъ въ псаломщики, а сынъ Косынькиныхъ вышелъ въ
телеграфисты. Потомъ и на моей памяти былъ падежъ ко-
ровъ, очень много пало коровъ, а потомъ былъ людекой моръ, я
помню я: однажды убилъ человекъ я бросилъ въ баракъ. Или его
было Додай Ваня. Послѣ этого одного человека задушили и вы-
тащили въ поле; коведъ улицы, гдѣ его задушили, и теперь на-
зываютъ Душлавкой. Да вотъ теперь недавно убили человека,
имя его было Николай, прозваніе его «Чикидай».

A vot moŭdŭn joŭŭ-s ešĉo syŭ a-ta: šedikiŭ starystatŭi jak arasiŭt vŭ-Pŭyŭt, a go-lovatŭn ašt ma-ŕciŭ gak, a ulŭi-s vŭlisa pokššš; ulŭis ištama a-ta šek pŭŭ-vij, i meŕne-št ŭnza- tŭtu-ž. Son vŭli-ayŭt ulŭi-s i stary-sta i tŭta-, son i čavŭl, son i žali-I. Mŭšt ŭoče-I, ŭeč i tŭjš. Mŭi toža godaŭŭnik bo-jarnyŭ gak, kaby a-vuŭ zon. Vŭšt-Vŭžni-nyŭ moda-ŭt kaŭamsta saš bojar čep ma-ŕta i karmŭš čepŭn targa-myŭza vŭ-cta mŭiŭ-k pakšŭ-ŭt laŭka. Son koda-k a-ŕč tože-ŭ, meŕč: «Lotka-da, koŭ molda-da? te iŭiŭ-k pakššš, tejiŭa-dy jaka-». Boja-ryš meŕč: «Ton mŭ-žat? A son meŕč: «Mou ištamyža loma-ŭan, koda-mat i ton». — «Ton moŭ maŕta ištŭ ifa- korta-; mou mary-t korta-ma aka-rman». — «A ŭe ŭočeš mary-n gorta-ma, vŭla-ft i stupa-j tŭsta at gŕeŭa-». Boja-ryš šŭl-ŭi-ža čama-s, vŭla-fč i tuš. Ištak i pakšŭ-nyk kaduŭš. Ombč-čedŭ Soky-ryŭ boja-ryš vŭli-ŭt luđa-kšnyžŭ ala luga-ŭt miji-ŭš i miji-ksyŭž. Tŭtu-ž kyda- ma-ŕšš, koŭty biďa saš, i ššš¹⁾ makst. Boja-ryš

A вот мнѣ разсказывалъ еще древній старикъ: въ старину въ деревнѣ не было и старость, а о головахъ и не слышали, а былъ сельскій старшина; былъ такой очень умный старикъ, и называли его «тятюжъ». Онъ былъ на селѣ и старость и отецъ, онъ и наказывалъ, онъ и жалѣлъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Мы тоже угодили бы баряну, если бы не онъ. Однажды, во время обмѣра Вяземской земли, пришелъ баринъ съ дѣбью и сталъ тѣпуть дѣбъ прямо на наше поле. Онъ, какъ прискакалъ туда, сказалъ: «Остановитесь, куда вы идете? Это наше поле, не ходите сюда». Баринъ говоритъ: «Ты кто?» А онъ говоритъ: «Я такой же человекъ, какъ и ты». — «Ты со мной не говори такъ; я не стану говорить съ тобой». — «А не хочешь со мной говорить, вели повернуть и ступай отсюда отъ грѣха». Баринъ нагнулъ ему въ лицо, повернулъ и ушелъ. Такъ и осталось наше поле. Въ другой разъ Сокурскій баринъ уговаривалъ было мѣръ продать ему нижній дугъ и продалъ было. Когда тятюжъ услышалъ, онъ откуда-то вернулся,

1) šsi.

pek keze-jafé laxgyzynza; korta-ś ista-tt Kokla-ét; Kokla-én
karta-śt mary-nza pñja-ctva-é-tama, karma-śt gośto-ks tanga
sa-kñuma, i so-n zyádlst karma-ś jakśi-nñ. Syñ so-nza lífti-
pa-kśay i po-véz, i nejga-k śe líšmañti mñe-t: Tatuž li-śma, a
líšma-ś Sokyryñ domba-lñ; vaśña- uññi-ś lñ-miza Pujga-í li-śma.

Ñej sedí mñ-jlñ váli-nyk pokšo-lgaé, i tajšt od u-čylña, kolmy
n-čyřil'č ajsy-nza: vá-γkiś n-čyřil, dy kařt' nčyřila-řat. Bibli-
tekanyk nñ- čotña-sa; čajny-nyk nñ-; čajny-syñt gramafo-n.

Vaśña- sady-n toro-γ váli-syñt arařil'č. Šeřt pe-řvoj pu-
umařčufta sad Bayamo-lóvenkař. Syñčedest mñjlñ Moró-z Dři-ga
neñčedñ mñjlñ pučt Kandry-γkat; neñčedñ mñjlñ Deđury-γka
neñ sady-st afama-řiñ. Šedí mñjlñ Mardža-j Fe-lka afama-řil
i uma-řiñ, šedí mñjlñ Tu-lka ři-lka. Tu-lka ři-lkañ zady-za-poki
i vadřa-; tete-dñ maksñiž kolmy čařñiñ &-stynza i sa-jś Kieynza

не отдаля. Баряпъ очень разсердился на него; договаривалъ та-
кихъ холодовъ; холоды стали вести съ нимъ принизы, стали при-
ходить къ нему въ гости, и онъ сталъ похаживать къ нимъ. Она
вытащили его въ поле и задумали, и теперь еще тотъ родникъ
называютъ «Тятюжовымъ родникомъ», а родникъ на той сто-
ронѣ Сокура; сначала имя его было «Осиповый родникъ».

Теперь, послѣ того ваше село расширялось, построили новое
училище; въ немъ три учителя: одинъ учитель дѣлалъ учительницы.
Библиотека у насъ въ конторѣ; у насъ есть чайная; въ чайной
граммофонъ.

Сначала въ селѣ совсѣмъ не было у насъ садовъ. Прежде
всѣхъ рассадили яблонный садъ Богомоловы. Послѣ нихъ Гре-
горій Морозъ. За нимъ рассадили Кондратьевы; за этими Дѣдуш-
кины; ихъ садъ вишневый. Потомъ Федоръ Мардавъ вишневы
и яблонный, потомъ Филиппъ Тулка. Садъ Филиппа Тулки боль-
шой и хорошій; въ нынѣшнемъ году онъ сдалъ три части въ не-

kaſta ſutt komá vá-tiji ce-ikvoj. Syńdēdeſt mājla pnet ſad Ga-
viſſyſkat, neńdedū mā-jla. Pŕa-ſnik Vaſka; ſońdedeſza mā-jla
Va-ſyſkat; ſe-ńdedeſt mājla Afakſki-ſkat; Afakſki-ſkada mā-jla
Kulumi-ſkat; Kulu-miſka mā-lga Topo-ſkat, a ſe-ńdedū mājla
Koſe-jiſkat, a ſe-ńdedū mājla karmaſt iſta. ozaſnińa ſſva tuoda,
ſſva ſokſſā, ki ſarys kā-niſa. Nej váſki pandeamanſk vá-ſi piſy-l-
da prok ro-yna viſ.

Kada váſi-ſ karma-ſ puru-moma i puru-má po-kſta váſiſa-tt
le-maſt, ſe-ſta karma-ſt ſilko-m mńda-ſtumyſt. Tajſt taſt če-
kova i ſeſet taſt: ɛramſida pa-zavato. Syń ramſi-ſt váſi Mi-kilat
i meńe-ſt tańza. ru-zyń Vėſepaz. Popo-ſ karma-ſniſ ſſy-ſt o-
no-ma, a ſyń taſt o-znóſā. Iſta. taſiſ kua-d moſe. Po-poſ mā-ſt
dumaſ ponama-ſińza maſta? Vot koda ſon dāſ. So-ńe ſſvi
ku-duſ lomańi-ńi, a ponama-ſińza kekſe pazavau-gylyńt ekſe.
ſſvi ku-dyńti, kākkeſy kuaa-zyryńt: ɛoznó-ſat ru-zyń Vėſe-

я взял за них 225 рублей. После них разсели садъ Гаврю-
шины, после тѣхъ Василій Пряшникъ, после него Васильевы;
после нихъ Кочетковы; после Кочетковыхъ Кулумны, после Ку-
лумныхъ Топонькины а после нихъ Косёе, а после нихъ стали
разсѣивать каждую вѣсу, каждую осень, кто сколько усѣбеть.
Теперь одаѣ склопъ нашей горы весь зеленѣется, словно гѣбъ.

Приснобытъ и священный

Когда село стало собираться и увеличилось до пятидесяти чело-
вѣкъ, тогда заставляли ихъ креститься слякомъ. Построили имъ
церковь и сказали имъ: «пачуйте иконы». Они всѣ купили иконы
св. Николая и называли его русскимъ Богомъ. Священникъ
заставлялъ ихъ молиться, а они не молились. Такъ продолжалось
долго. Что же придумали священникъ съ пономаремъ? Вотъ какъ
онъ сдѣлалъ. Самъ онъ войдетъ въ домъ къ человѣку, а пономари
спрятать за уголъ, гдѣ икона. Войдетъ въ домъ, спросить хозяйка

pa-zyńci?» *Te miera: «oznó-śana».* — «A ma-ńcat asyn?» — «Ara-ś, kańkści-k sońce-nza». *Te a-ró koleŭkalarŭks, ěe-kā-poka i śar-giā:* «Микола милостивый, скажи мнѣ, молится тебѣ сей рабъ съ чадами, или нѣтъ?» *A se u-gyńit e-kśta i me-rā: «нѣтъ!»* *Śe-sty po-póś ěe lo-mańiń peldā saŭ. vāci ce-ikovyŭt śeńgi-s, ťty son ao-znó. A biā ombó-ěeā sy, śesta kā-iniń. Vaŭki lomańiń māsť fajś? Po-póś kyda toś ke-ctēnza, son ke-ěēnba-ĉk Mi-Kilańt śa-I-mińza saji-ńgā dy ta-rěińgā. Popó-ś saś, vany Mi-Kilańt śālni-nza targa-ft. Śesta po-póś sa-jś pēldenza komś vā-tija ce-ikovej i tuś. Rama-ěe od pa-zava. Te ra-maś od. Popó-ś saś, va-nyŭā. «Ra-nińt?» — «Rańi-ā». — «Oznó-śat?» — «Oznó-śana. Popó-ś tagy kāŭ-kściā Mi-Kilańt, tagy me-rā: «нѣтъ!»* *Ėetnacat ruble-j peldē-nza sajs. Mājā te māsť fā-jś lo-mańiś? Saji-ŭā paza-vańt, fi-ti-ŭā ka-rdazyŭ. Sonza ulniśť anduma-sa ko-lmy tu-vynza. Son ěe pa-zavańt tu-vyń piŭga-luŭ ka-jiŭā. Po-póś saś, paza-vaś ara-ś. Kāŭ-kśiā: «Dy pa-zavat kosa?» — «A ki so-dasy? Čaj mon asynza a*

дома: «молишься ты русскому Богу»? Тотъ скажетъ: «молюсь». — «Не обманываешь меня?» — «Нѣтъ», спроси его самого. Потомъ становится на колѣни, перекрестится и закричитъ: «Никола милостивый, скажи мнѣ, молится сей рабъ съ чадами или нѣтъ?» А тотъ изъ за угла и скажетъ «нѣтъ!» Тогда священникъ возьметъ съ человѣка пять рублей за то, что онъ не молится. А если придетъ въ другой разъ, то десять. Что же сдѣлалъ одинъ человѣкъ? Когда священникъ ушелъ отъ него, онъ въ сердцахъ взялъ и вырвалъ у Николы глаза. Пришелъ священникъ, видитъ, что глаза у Николы вырваны. Тогда священникъ взялъ съ него двадцать пять рублей и ушелъ. Заставлялъ купить новую икону. Этотъ купилъ новую. Священникъ пришелъ, осмотрѣлъ ее. «Купилъ?» — «Купилъ». — «Молишься?» — «Молюсь». Священникъ спросилъ опять Николу, (тотъ) опять говоритъ: «нѣтъ!» Взялъ съ него штинадцать рублей. Что же сдѣлалъ потомъ этотъ человѣкъ? Взялъ икону, вытщилъ ее на дворъ. У него откармливались три

ki-řdan; sońceń Pazyń vo-řaza, koŭ duńā, toŭ mo-řā». Popó-ś pādās ā-zynza; ābidī, mēřā, atusak tej, řa-dy ce-lkovoŭ ře-řřet saja-n.» — «Dy ko-sta mon saja? Vēd mon Vēřepa-zyńt mařta aja-křan. Ki-zlasy koŭ son tuř. Āřńi- řeje-ž by-ta sonza, řa-k jaka-ś ka-r-dazga, a koŭ duř ře zaa-j. Adada, paža-lyj, řāřńi-syńřika. Ēřřřet, kormař řāřńi-mā; řāřńi-řř, řāřńi-řř; ara-ś kořřja-k. Popó-ś i mēřā: «Koda so-dat řāřńi-ř, na muŭi-ř; a řidā amu-sak, to řa-dy ce-lkovoŭ ře-řřet, dava-j řiřa-sa. řē vancy. řāřř aparř. Mořř kar-dyńt ma-las i řā-řřiř: «vanta, bařka, o-na ře doska u-gylný řuda-jeyńt avy-ř řson?» — «Ta-řřika!» Ta-řřiř. Vany-ř, pra-vdyŭ son. Popó-ś mē-řā: «Dy ton māsks ře-zēń kajik?» — «Ara-řa, ře mēřā. «Dy o-na māsks son ře-sa?» — «Dy vēd mon azda-sa; vany-k, guřāřā řāt; dy koda-ŭ samsta kudykāřřřy āž mu-řřiř, řova-ř ře kāřřřyńři i-řiřřyń pařk i prař řu-dazyńři; a tu-vyřńā kodatt! řyń řa-jřan ito řāřři-ř. A mon řřva-n, koda eřřy āži-ř řāř kof-me-řeřeńā! Popó-ś i mē-řā: «māřř kēřģe-řat? mēřiř Vēřepa-zyńyk

свинья. Онъ бросилъ ту икону свиньѣмъ подъ ноги. Привелъ священникъ, иконы нѣтъ. Спрашиваетъ: «а икона твоя гдѣ?» — «А кто ее знаетъ? Чай я ея не держу; своя Божья воля, куда задумаешь, туда пойдешь». Священникъ присталъ къ нему: «если, говорить, ты ее не принесешь сюда, я возьму съ тебя сто рублей». — «Да откуда я его возьму? Вѣдь я не хожу съ Богомъ. Кто знаетъ, куда онъ ушелъ. Дѣтя, кажется, видѣла его вчера, онъ ходилъ по двору, а куда ушелъ; не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищемъ». Вышли, стали искать; искали, искали; нигдѣ нѣтъ. Священникъ я говорить: «какъ знаешь, ящя, не найди, а если не найдешь, то сто рублей съ тебя, давай сейчасъ». Тотъ ледеть — дѣло плохо. Подошелъ къ хлѣву и закричалъ: «смотри-ка, батюшка, вотъ этотъ уголокъ доски нѣ гризи, не онъ ли?» — «Вытащи-ка!» Вытащили. Смотрятъ, правда ова (икона). Священникъ говоритъ: «да ты отчего ее сюда бросилъ?» — «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Такъ какъ же она тамъ?» — «Да вѣдь я не знаю; видно, гулялъ

vina-da ssi-nhá. — «Nu moža ugafijaš da iše vā-niŋja. — «Tagy-keŋgelat, več son ču-ftyŋ, a-ńčik šo-rmaduf lomaŋi-ks, a son a si-nhá, a ja-rek, a u-gafija, a ja-kā. — «A māks eba kortā, a čufnā ako-fyŋef, a son at-keŋgelā tāt, buta mon ao-znan dānza. Še-di mājla popō-s paŋda iša kākšnims. Ala-myŋ a-lamyŋ kar-ma-št naro-dēs kak čaŋkydina i ozno-ma. A ŋej oznō-t pek i sodē-t kiŋi-ŋ oznō-t; āivā-ŋki pa-zavaŋt ŋāni-za soŋcēn.

A vot men joŋta-n dāt, koda-my ŋlīi-š kulu-ma, ŋāni-nza jak a-zdasa. Ton loma-nis jaly ŋefet sodē-čat, azda-sak ŋi, koda-ma šo kulu-maš? Loma-nis koda-k pry, vāsi ra-ŋkadā i ku-ja. Šesta vot koda kulci-št; kalma-na jak āšt ka-niŋkšā. Mā-jla vāniŋt čury-ž-pifiž, ala-myŋ a-lamyŋ lo-tkaš. A ešē- ŋlīi-š ku-luma,

ночью, да вди домой, не нашедъязной двери, вопель въ эту дверь съ пьша и уналъ въ грязь; а свинья какин! онѣ шайтана я того заточугъ. А я двалюсь, какъ онѣ его нормальда еще не съѣли». Священникъ и говорить: «зачѣмъ ты клеветишь? напѣ Богъ не плетъ вйна». — «Но; можетъ быть, онъ угорѣлъ и вышелъ на дворъ». — «Онѣ клеветишь, вѣдь она (икона) деревяная, только расписана по образу человека, а она не плетъ, не ѣстъ, не угораеть, не ходять». — «Такъ какъ же она говорить, а деревня не говорить; а она вотъ клеветишь тебѣ, будто я ей не молюсь». Послѣ этого священникъ пересталъ такъ спрашивать. Понемногу народъ сталъ также понимать и молиться. А теперь много молятся и знаютъ, кому молятся; у каждой иконы свое имя.

А вотъ я разскажу тебѣ, какой былъ моръ, и имени его я не знаю. Ты человекъ знающій—всѣ говорятъ, не знаешь ли, что это за моръ? Человекъ, какъ заботѣсь, весь очернѣеть и помереть. Тогда вотъ какъ умирали; не поситѣвали даже хоронить. Потомъ село «окружили», и (моръ) понемногу прекратился. А еще

gara-zda nájla: lomańi-ni pādā pšku-n i ukson-ma i šamy-nza targa-tyt; loma-ńis pššy-ftā kafty-kolny čy i kulā, a ŗija- vřy-ńi. Aty vot avy-ř nmyk ulńis, teń ton gak po-mńasa-ki — «Da, teń mon pomńa-sa, mon eščo beńiń goděńt kak pomńasa, kyda jarcy-ńik ańćik katfa-ń pača-lksidā dy kotońe-kfā». — X'e, brat, ura-zlā te beńiń god? Suru u-ńiis, muska vadřal, katfatā partyřt, te āřa-mys ešly ma-šidā iki-ńi beńiń go-tńeń ko-řas. Moń po-mńauga řašt ulńisť kolny gott řac beńi-ť. Tašty šu-ryřińi sā-řiz, mńi ma-řety ja-řeyńik, a ředn-žym jo-řies: še šisiń gott ulńisť, šesta loma-ťiā sē-kada jarcu-šť. Lomaťiā jaka-šť prok sn-řij ¹⁾. Tožy, brat, lamy-ťāři- ulńisť; ikili řid avyř išta āři-šť, koda- řej: šu-ryř la-ma, řiři-k — ja-řmakńiń žeps; šu-ryř araš, mořť baza-řu, řamak. A baza-rys ulńi-s řediki-lā ańćik řetroške-řsa, a šury-s ulńi-s pondē-s řā-tak, a řifcy-čāťiā ulńisť řři-vna čys. Dy ju-

былъ моръ гораздо позже: къ челоуѣку приижетсѣ поносъ и рвота, и судорога вѣдѣть его; челоуѣкъ пострадаетъ два три дня и померѣтъ, а другой оправятсѣ. А то вотъ недавно былъ, и ты его (этотъ моръ) поминишь! — «Да, я его помню, я еще помню и плохой годъ, когда мы ѣли только картофельныя блины и тертый картофе-ль». — Хе, братъ, развѣ плохой былъ этотъ годъ? Былъ ячмень, конопля были хорошіе, картофе-ль хорошій, это житѣе еще масленица противъ прежнихъ плохихъ годовъ. На моей памяти однажды три года подъ рядъ были плохи. Старый хлѣбъ сѣяли, мы ѣли лебеду, а дѣдушка мой разсказывалъ: тѣ семь лѣтъ были (плохими), тогда люди ѣли желуди. Люди ходили какъ тѣни. Тоже, братъ, много было дѣла; вѣдь раньше жили не такъ, какъ теперь: хлѣба много, продай — деньга изъ мармалъ; хлѣба нѣтъ, иди на базаръ, купи. А базаръ въ старину былъ только изъ Петровскѣ, а хлѣбъ былъ по пятку за пудовку, а молотыльщики по гривенѣ на довш. Да про-ѣхать нельзя никакъ; черезъ лѣса (ѣхать) бовишл: либо зибрь

1) см. H₂L

ta-mš kak a koda-, vi-fǝǝnǝ bačk pǝǝ-t: ǝby žvef šežne-tanzat,
ǝby loma-ń žaǝda-nzat. Šeǝki-ǝa avyǝ baza-ǝt, ńhe-ǝnečat kak
ara-šǝf, sopožǝekt ka-k ara-šǝf; ńašć kak šćf ramša, šćf mi-kšǝi
jak.

тебя съѣсть, либо человекъ убѣть. Въ старину не то, что база-
ровъ, а даже мельницъ не было, и сапожниковъ даже не было;
и ничего не покупали и не продавали. ¹⁾

1) Мнѣ не пришлось записать другихъ преданій, связанныхъ съ с. Ор-
кинью. Нѣкоторые изъ нихъ, записанныя въ семидесятихъ годахъ про-
шлаго столѣтія, помѣщены ниже въ приложении, въ очеркѣ А. Н. Мамта.
Впрочемъ, Мордва вспоминаетъ еще Тюшана (Tʉšǝn ǝǝǝt), подъ поддан-
ствомъ котораго она находилась. «Царь Тюшанъ», рассказываютъ они, увелъ
съ народомъ за большія воды, а мы подалась сюда, но откуда онъ увелъ не-
известно. Старикъ и сейчасъ вспоминаетъ Тюшана, говоря такъ: «Bʉǝ Tʉ-
šǝn kǝrǝǝ vǝǝ, česta ǝǝǝ kǝrǝk jǝǝ; son bʉǝ katǝǝ oǝvama ʉšǝj ńa-
tǝǝǝ čarǝǝšǝ; ńǝǝǝ i ǝǝǝǝ kak jǝǝǝ» (т. е. если Тюшанъ начнетъ войну,
тогда міръ скоро погибнетъ; если онъ начнетъ поспать, онъ разоритъ всѣ
страны; потому и міръ погибнетъ). Ср. ибскою «Тюшня зорѣ» въ Обр. морд.
нар. сл. I, № XX.